

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204899-907>

Исследовательская статья

Сефербеков Магомедхабиб Русланович
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
dnc.ran@outlook.com

«ХОЛМ ВЛАСТИ»: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО САКРАЛЬНОГО ЛОКУСА ДАРГИНЦЕВ ФЕДЕРАЦИИ АКУША-ДАРГО

Аннотация. Данная научная статья посвящена исследованию сакрального холма в местности «ЦахІнабяхъладиркья», служившего местом сбора представителей союзов вольных обществ федерации Акуша-Дарго. Целью работы является интерпретация знаков и символов, связанных с этим сакральным локусом, а также выявление его исторического и мифологического значения. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучение доступной информации о холме, мифологическая интерпретация связанных с ним преданий, а также сопоставление данного локуса с аналогичными объектами у других народов Дагестана, Северного Кавказа и мира. В качестве методологической основы исследования использован комплекс исторических методов: сравнительно-исторический, историко-системный, ретроспективный методы и метод семиотики. В результате проведенного исследования установлено, что сакральный холм в местности «ЦахІнабяхъладиркья» имел многоаспектное значение. Он не только служил местом сбора представителей союзов сельских обществ, но также воспринимался как уменьшенная копия горы, центр мира и место пребывания богов. Скрытые в его толще золотой лук, стрелы и другие сокровища наделяли его особой сакральностью, связанной с плодородием и властью. На вершине холма восседал глава федерации, акушинский кадий, что подчеркивало его легитимность и сакральный статус. Анализ собранного материала позволяет рассматривать этот холм как «холм власти», имеющий аналогии с местами собраний, святилищами и культовыми центрами у других народов региона и мира. Статья подчеркивает вариативность проявлений оролатрии, а также значение сакральных мест для политической и социальной организации общества. В статье также дается гипотеза о том, что сакрализация данного холма, как места сбора глав союзов обществ, может быть связана с древними периодами военной демократии.

Ключевые слова: Акуша-Дарго; оролатрия; символика и семантика сакральных локусов; холм власти; древо мировое; Великая Богиня Матерь; лук и стрелы

Для цитирования: Сефербеков М.Р. «Холм власти»: к интерпретации одного сакрального локуса даргинцев федерации Акуша-Дарго // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 4. С. 899-907. doi.org/10.32653/CH204899-907

© Сефербеков М.Р., 2024

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2024

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH204899-907>

Research paper

Magomedkhabib R. Seferbekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
dnc.ran@outlook.com

“THE HILL OF POWER”: A STUDY OF A SACRED LOCUS OF THE AKUSHA-DARGO DARGINS

Abstract. This study examines the sacred hill at TsakhInabyakhladirka, a site of assembly for the representatives of the Akusha-Dargo federation of free societies. The research aims to interpret the signs and symbols associated with this sacred location and determine its historical and mythological import. To this end, the study undertakes: an examination of existing data regarding the hill; a mythological exegesis of related narratives; and a comparative analysis of this site with analogous sites among other Dagestani, North Caucasian, and global cultures. The methodological framework of this study employs several historical approaches, including comparative-historical, historical-systemic, and retrospective methods, alongside semiotic analysis. The research demonstrates that the sacred hill at TsakhInabyakhladirka possessed a complex significance. It functioned not only as a meeting place for representatives of rural community unions, but was also conceived as a microcosm of a mountain, a world centre, and a divine dwelling. The golden bow, arrows, and other treasures reputedly concealed within it endowed it with a particular sacredness linked to fertility and authority. The federation’s leader, the Akushin qadi, presided from the hill’s summit, thereby reinforcing his legitimacy and sacral standing. Analysis of the assembled data suggests classifying this hill as a “hill of power,” exhibiting parallels with meeting places, sanctuaries, and cult centers across the region and globally. This study highlights the diversity of orolatory manifestations and the importance of sacred sites for socio-political organization. It further proposes that the sacralization of this hill as a venue for assemblies of community union leaders may be connected to earlier eras of military democracy.

Keywords: Akusha-Dargo; orolatory; symbolism and semantics of sacral loci; hill of power; world tree; mother goddess; bow and arrows

For citation: Seferbekov M.R. “The Hill of Power”: A Study of a Sacred Locus of the Akusha-Dargo Dargins . History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2024. Vol. 20. N. 4. P. 899-907. doi. org/10.32653/CH204899-907

Введение

Целью данного исследования является интерпретация связанных с сакральным холмом даргинцев федерации Акуша-Дарго знаков и символов. Реализация поставленной цели предполагает решение ряда задач: 1) рассмотреть все имеющиеся на сегодняшний день сведения об указанном холме; 2) дать мифологическое истолкование связанных с холмом атрибутов, легенд и преданий; 3) провести параллели этого сакрального локуса даргинцев с аналогичными, относящимися к проявлениям оролатрии, сакральными объектами у других народов Дагестана, Северного Кавказа и мира.

Методология нашего исследования базируется на традиционных исторических методах: сравнительно-исторический метод дал возможность выявить общее и особенное в проявлениях различных локальных форм оролатрии в Дагестане, на Северном Кавказе и в мире; историко-системный – позволил изучить этот сакральный объект прошлого у даргинцев Акуша-Дарго как целостную историческую систему с выявлением его морфологии и генезиса; ретроспективный – предоставил основания для анализа причин сакрализации этого локуса в прошлом; метод семиотики позволил проанализировать значение и ассоциации связанных с этим топосом знаков и символов¹.

Несмотря на то, что изучаемый объект упоминался в дореволюционных, советских и новейших исторических источниках, интерпретация символики и семантики атрибутов этого сакрального локуса никем ранее не проводилась. Научная новизна нашего исследования заключается в привлечении всех известных на сегодняшний день связанных с холмом источников и истолковании знаковых и смысловых значений его образа. Его результаты могут быть использованы историками, этнологами, религиоведами и культурологами при написании обобщающих исследований по истории и культуре народов Дагестана.

История холма в местности «ЦахІнабяхъладиркья» и интерпретация связанных с ним фольклорных преданий

Исследование почитаемых в народе естественных объектов и явлений природы всегда было в центре внимания кавказоведов. Как указывает Н.А. Криничная, «в местностях, где горы занимают в ландшафте главенствующее положение», «вполне реальные возвышенности, скалы, камни, бугры, холмы, пригорки, насыпи, выделяясь, подобно острову, из окружающего ландшафта, в быличках, бывальщинах мифологизируются» [1, с. 122, 123].

Исторические источники и фольклор народов Дагестана донесли до нас сведения о естественных (горы, скалы, холмы, останцы) и искусственных (курганы) сакральных возвышенностях, которые служили местами календарных и общественно-бытовых обрядов и праздников, с ними была связана определенная табуация. Эти примеры, вероятно, можно отнести к «почитанию высот» [2, с. 110].

Одной из таких возвышенностей является холм, находившийся в центре поляны, которая служила местом сбора представителей пяти союзов вольных обществ (Акушинский, Цудахарский, Мекегинский, Усишинский и Мугинский), входивших в федерацию Акуша-Дарго. Во главе него стояло сосредоточившее всю полноту светской и духовной власти высшее должностное лицо – акушинский кадий. Местом схода представителей союзов сельских обществ была поляна, расположенная в нескольких километрах к востоку от современного сел. Бургимак-Махи Акушинского района Дагестана, которая называлась «Хъярбукидиркья» или «ЦахІнабяхъладиркья» («Поляна сбора», «Равнина собраний») [3, с. 185]. Собирался сход «при настоятельных надобностях иногда 3 или 4 раза в год» [4, с. 14]. На нём решались касавшиеся всех союзов вопросы объявления войны и заключения мира, разрешения споров и др. Решения, принятые на сходе, были обязательны для исполнения всеми союзами сельских обществ Акуша-Дарго [3, с. 185, 186].

Интересную информацию об упомянутой поляне и находящемся на ней холме приводит Ф.И. Гене: «для разбирательства же дела между собой собираются кадии и старшины, смотря по важности дела, на определенные издавна избранные для сего места» [5, с. 346].

1. Обе категории обозначают «место». Локус, как правило, соотносится с закрытым, конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности, а топос – с открытым пространственным образом, местом разворачивания смыслов.

Сведения об этом холме приводит и известный краевед Булач Гаджиев. Он писал: «Близ Бурги-мак-махи есть холм и равнина Цахламибладирка. Сюда со всей Даргинии собирались послы. Во время собрания никто не имел права смотреть на холм. Говорят, будто бы в нём спрятаны золотой лук, стрелы и другие ценности. Хворые люди верили в то, что, если походить вокруг холма, можно избавиться от болезней» [6, с. 32].

Упоминает этот служивший местом народных собраний холм в местности «ЦахІнабикала-дирка» и историк Р.М. Магомедов. По его данным, это была заросшая густой травой ровная речная терраса с куполообразным холмом посередине. На окружающих этот холм в форме амфитеатра крутых склонах были размещены огромные камни, служившие сидениями для представителей каждого входившего в федерацию Акуша-Дарго «войска» («хІуреба»). На холме восседал акушинский кадий, отсюда произносили речи ораторы. По обычаю, прохожие старались пройти мимо священного холма, ни разу не взглянув на него. Верили, что если идущий на базар хотя бы случайно глянет на холм, то ему не миновать убытка. В этом холме будто бы были скрыты золотой лук и другие сокровища [7, с. 399–400]. Горские животноводы до революции водили вокруг холма больных коней и считали, что это приносит им исцеление [8, с. 45].

Из этого сообщения следует, что речь идет о табуированном, «священном холме», на котором во время сбора представителей союзов сельских общин федерации Акуша-Дарго восседал избираемый светский и духовный глава этой федерации – акушинский кадий. Табуирование холма выражалось в том, что на него никто не имел право смотреть; в нем были скрыты сокровища; холм использовался в обрядах народной медицины [6, с. 32].

Особую сакральность холму придавали скрытые в его толще золотой лук, стрелы и другие сокровища. Следует отметить, например, что в русской волшебной сказке так же – «все, что окрашено в золотой цвет принадлежит к потустороннему миру» [9, с. 159]. Развивая эту тему, отметим, что в мифологических рассказах гора (холм) осмыслялась и как граница между мирами, расселины между скалами были проходами в потусторонний мир, а иной мир нередко локализовался за горой [1, с. 127, 128].

Горные хребты рассматривались как границы миров (этот мир – потусторонний мир) и у народов Дагестана. Например, у табасаранцев злокозненные действия ведьмы *Кафтархоч* можно было нейтрализовать, если удавалось схватить ее за волосы и прочесть заклинание: «Къаркьул-таблианва Джухнаг-дагъдиланмуулдучван!» («Чтобы ты не переходила хребет горы Къаркьул и гору Джухнаг!»)². После произнесения этого заклинания, демон будто бы уже не мог пересечь магическую черту этих гор³.

В дидойской сказке «Ханский сын и ханская дочь» сын хана отправляется искать свою похищенную «черным человеком» сестру. Оставив позади себя «одну нашу и две чужие горы», он «одно ущелье прошел, два ущелья прошел и добрался до одной большой поляны», где вместе с повстречавшимся незнакомцем поднял находившийся там большой камень и спустился в находившийся под ним *другой свет*. Там они очутились в большом ущелье, где и находилась его сестра [10, с. 291–295].

Что же касается лука и стрелы, то в верованиях народов мира стрела олицетворяла войну и мир. В исламе стрела олицетворяла гнев *Аллаха* [11, с. 289–291], а в христианстве лук означал светскую власть [12, с. 190].

Во многих мифах народов мира лук и стрелы были атрибутами божеств (хозяйки зверей, громовника, целителя). «Лук со стрелой являются также ритуально-мифологической метафорой матери-земли и неба-отца, соединенных священным браком» [13, с. 75]. Наконец, они «могут интерпретироваться как структурно однотипные реплики единой парадигмы – вертикальной модели мира, представленной кругом с вписанным в него крестом» [13, с. 77] – излюбленным мотивом дагестанских петроглифов [14, с. 25–27].

Исследуя семантику термина нарт и его связь с солярной символикой у скифов, Е.Б. Бесолова пишет: «Именно с того времени, когда воины стали конными лучниками, символическое значение данного вида оружия значительно возросло, и, видимо, не случайно в этот период лук стал инсигнией царского достоинства у скифов. Лук и стрелы символизировали для скифов оружие как таковое и военную власть царя» [15, с. 120].

Спрятанные, согласно поверьям, в холме золотые лук и стрелы (и др. сокровища), а также связываемый с убытком (убыль – прибыль) запрет идущим на базар смотреть на холм, наталкивают на мысль

2. Муртузалиев Ю.М. Мифологическая проза табасаранцев: Дис... канд. филолог. наук. Махачкала: Институт ЯЛИ ДНЦ РАН, 2008. С. 96.

3. Там же. С. 151.

о связи этих предметов⁴ с широко распространенным в Дагестане культом плодородия, олицетворенным в образе *Великой Богини-матери* [17, с. 146–154].

Таким образом, служивший местом народных собраний холм в местности «ЦахІнабикала-диркья» (холм как уменьшенная копия горы – «образ мира», «центр мира», «модель вселенной», «место пребывания богов» [18, с. 311–315]) вместе со скрытыми в его толще золотыми луком со стрелами и другими сокровищами олицетворял собой (вероятно, связанный с инсигниями власти) сакральный локус. Сакральность холма выражалась в том, что на его вершине восседал глава федерации Акуша-Дарго – акушинский кадий, а вокруг него представителями федерации решались военные, хозяйственные, управленческие и спорные вопросы. Он был табуирован для простых общинников. Кроме того, на нём совершали обряды народной медицины.

Этот холм можно также рассматривать и в качестве «плодоносящего центра» («плодоносящей утробы») *Великой Богини-матери* (связанные с плодородием лук и стрелы как атрибуты Великой Богини-матери).

Как нам кажется, рассматриваемый общественно-политический и социальный институт – обычай несколько раз в год собирать для решения важных дел в определенном сакральном локусе представителей союзов сельских обществ федерации Акуша-Дарго – является сохранившейся до Средневековья и Нового времени традицией, восходящей к периоду военной демократии с её военным предводителем и собранием вооруженных воинов, которая в дальнейшем переросла в государство через промежуточные военно-иерархические структуры (вождество) [19, с. 47–48]. Исторически ей предшествовала позднепервобытная, первобытная соседская, или протокрестьянская переходная к классовому обществу община [20, с. 110–111]. В этот период родоплеменные культы [21, с. 180–182] находились на стадии разложения и превращения их в общинные культы [22, с. 140–142] с привилегированным положением служителей культа [23, с. 105].

Указанные процессы были характерны и для Дагестана второй половины I тыс. до н.э. вплоть до Великого переселения народов [24, с. 142–143].

Возвращаясь к сакральному холму даргинцев федерации Акуша-Дарго, отметим, что подобного рода естественного и искусственного происхождения возвышенности, с которыми были связаны легенды и предания, имелись и у других народов Дагестана. Некоторые из них использовались в различных общественно-бытовых обрядах. Например, в окрестностях сел. Инчха Казбековского района находятся два кургана, называемые местными жителями «ХазинадалгохI» («Курганы сокровищ») [25, с. 54].

По относящимся к 1867 г. сведениям поручика Сотникова, выборы кадия Табасарана старшинами табасаранских сел Хурик, Ханаг, Ругуж, Храх, Хив в присутствии народа происходили в местности «Херба-Куран» ниже сел. Татиль. Другими «местами народных сборищ» были: «Ханик – площадь впереди сел. Ханага; Куркариндаграк – выше Хушной, к стороне сел. Кюрюх; Бакантыль – в середине Кухрикского магала, близ сел. Кувлиг; Уршарик – между селениями Урсиль и Бухнах; Хума – между селениями Храхом, Шиля и Худжиником; Чехтиль-Сувакского магала Южной Табасарани – ниже сел. Фергиль; Гюни-Рацарих – выше сел. Гучтыль (Дыргынского магала Южной Табасарани); Гарзиг – между Кугом и Яршлем (Южной Табасарани); Чалакарин Дагран – между селениями Яриком и Чалаком (Южной Табасарани)» [26, с. 49].

По имеющимся у нас данным, из перечисленных Сотниковым «мест народных сборищ» некоторые (Чехтиль, Гюни-Рацар и др.) были в прошлом языческими святилищами, центрами культа богов-патронов союзов сельских обществ, астрономическими обсерваториями, местами проведения календарных обрядов, решения военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов, мемориальными памятниками [27, с. 23–25, 50–51, 111; 28, с. 52–64; 29, с. 292].

Сакральные локусы – нередко табуированные места общественных сборищ, проведения календарных и религиозных праздников и обрядов народной медицины – находились и в других местах Дагестана.

Таким образом, служащие местами народных собраний, общественно-бытовых обрядов и праздников, естественные и искусственные возвышенности народов Дагестана могут рассматриваться в качестве сакральных локусов. Эти объекты доисламских культовых действий были связаны с определенным табуированием, обрядами народной медицины и земледельческими ритуалами.

4. У хакасов символами богини-матери Умай «были лук и стрела, веретено, бронзовая пуговица и раковина каури на нитке» [16, с. 151].

Изучая топографию восточнославянских городищ IX–XI вв., Б.А. Рыбаков отмечает, что в их структуре, как правило, имелись расположенные на холме святилища: «Летописи и поучения многократно говорят о языческих мольбищах на холмах. С этим связаны и этнографические, и топонимические сведения о Красных холмах и Красных горках» [30, с. 225].

Следует отметить, что подобного рода сакральные возвышенности зафиксированы не только в Дагестане и средневековой Руси, но и в Чечне. Так, описывая топонимию сел. Центарой Ножай-Юртовского района Чеченской республики, А.С. Сулейманов упоминает холм «Кхеташ-Корта» («Совета вершина»), на котором длительное время собирался Совет страны, решались вопросы войны и мира [31, с. 306], установления *адама* [32, с. 17].

По данным А.С. Сулейманова, на вершине «Ерди корта» горы «Эртина» существовало древнее культовое место периода язычества и христианства. Здесь так же долгие годы собирался Совет старейшин страны («Мехканкхел») для решения вопросов мира и войны, установления правил взаимоотношений, установления цен на продукты и скот, возмещения увечий при перемириях противников и т.д. [31, с. 74–75].

По сведениям С.А. Натаева, на территории Чечни установлено 23 пункта заседаний Совета Страны [33, с. 359]. Некоторые из них имели общечеченское значение, а «остальные временами становились местом проведения собраний горных или плоскостных чеченцев» [34, с. 24–25].

Как это видно, многие расположенные на возвышенностях культовые места чеченцев по своим функциям совпадают с подобными же сакральными локусами у народов Дагестана. Возвышенности, используемые в различных общественно-бытовых обрядах, имелись и у других народов Северного Кавказа. Так, Д.Н. Анучин описывает такой сакральный курган у осетин: «Недалеко от аула [Эльхот] находится минарет... вокруг него старинные кладбища, а несколько далее – курганы.... Из курганов два, более значительные, носят особые названия: один называется “кургань присяги”; на нем клали нагайку, и обвиняемый, утверждавший свою невинность, должен был взойти на курган и взять ее, что оказывалось возможным только в том случае, если совесть обвиняемого была действительно чиста») [35, с. 19].

Комментируя обычай возведения курганной насыпи в погребальном обряде степных племен, Б.А. Рыбаков писал, что «насыпка полусферических насыпей, по всей вероятности, отражает представления о трех горизонтальных ярусах Вселенной: курган изображает средний, земной ярус, он является как бы моделью кругозора видимого земного пространства. Над курганом-землей находится небо, верхний мир, а под курганом – подземный мир мертвых» [30, с. 75].

На наш взгляд, «курган присяги» у осетин, а также курганы степных племен и их изоморфная копия – сакральный холм у акушинцев так же воплощают в себе идею среднего земного яруса в трехчленной картине мира по вертикали (воплощенной в мифологемах *древо мировое* [36, с. 398–406] и *мировая гора* [18, 311–315]), где верхний ярус – обитель богов, а нижний – преисподняя, где обитают мертвые и хтонические демонические персонажи.

Примеры почитания таких связанных с табуированием «святых мест» в Абхазии приведены Г.Ф. Чурсиным, который писал: «Такой ‘святыней’ для Бзыбской Абхазии сделалась, например, святыня горы *Дыдрипш* – «Аныпс-ныха». [...] только члены фамилии Чичба имеют право совершать моления этой святыне, приводить у нее к присяге, получать за это доход и проч.» [37, с. 28]. Ее вершина была недоступна «в связи с ее якобы необычайной святостью». Кто дерзнет подняться на вершину Дыдрипш, тот будет немедленно поражен громом. Женщины и скот также не поднимаются на вершину этой горы. Священное место, где приносится присяга и совершаются жертвоприношения, расположено выше сел. Ачандара, у подошвы горы Дыдрипш [37, с. 39–40]. Другое священное место абхазов – Лашкендар. Вершина этой горы в Ткварчельской общине считается священной и недоступной. Местные жители верят, что, если кто-нибудь посмеет приблизиться к священному месту, то разразится гроза и поразит смертью дерзнувшего человека [37, с. 35].

Используемые в различных обрядах возвышенности встречаются и у других народов мира. Так, по данным Д.Д. Фрэзера, царь в монархиях Галла в Восточной Африке на горных вершинах приносил жертвы и регулировал принесение человеческих жертв. Спартанцы также приносили жертвы на вершине горы Тайгет. На горе Агу в Того живёт фетиш или дух по имени Багба. Он жил в доме на самой высокой горной вершине и держал ветры, заключенными в огромном кувшине. К нему обращались и за получением дождя [38, с. 19, 95, 195]. Д.Д. Фрэзер приводит также примеры табу,

распространявшегося на вождей и правителей: «Божественная личность является источником как благоденствий, так и опасности; ее надлежит не только оберегать, но и остерегаться» [38, с. 231].

У хакасов определенное табу распространялось и на женщин: им запрещалось произносить названия гор, а в виду горы нельзя было появляться простоволосыми [39, с. 86].

Как нам кажется, связанное с холмом в местности «ЦахИнабикала-дирка» табуирование основано на том обстоятельстве, что на нем восседал акушинский кадий и оттуда произносились речи ораторов. Однако, вопрос о том, являлся ли этот холм изначально почитаемым, и это обстоятельство было использовано акушинскими кадиями для легитимизации и сакрализации своей власти или же эта возвышенность на равнине стала сакральной благодаря тому, что на ее вершине восседал глава федерации Акуша-Дарго, остается открытым.

Заключение

Анализ представленного материала, касающегося холма – места сбора даргинцев федерации Акуша-Дарго, свидетельствует о его древности и многоаспектности. Он служил местом сбора представителей даргинских союзов сельских обществ, вследствие чего его можно рассматривать в качестве регионального сакрального топоса. Насыщенный многозначной семантикой и богатой символикой сакральный холм служил цели дополнительной легитимизации и сакрализации власти акушинских кадиев, в связи с чем его условно можно назвать «холмом власти». Он имел широкие аналогии с подобными же «местами народных сборищ», бывшими в прошлом языческими святилищами, центрами культа богов, проведения общественно-бытовых обрядов и ритуалов народной медицины, решения военных и хозяйственных вопросов, разрешения конфликтов у других народов Дагестана, Северного Кавказа, России и мира. Это свидетельствует о вариативности проявлений различных локальных форм оролатрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криничная Н.А. Гора: природно-экзистенциальный объект в свете космологических воззрений (по материалам севернорусских мифологических рассказов) // Научный альманах «Традиционная культура». 2011. № 3. С. 120–130.
2. Токарев С.А. О культе гор и его месте в истории религии // Советская этнография (далее – СЭ). 1982. № 3. С. 107–113.
3. Алиев Б.Г., Муртазаев А.О. Федерация даргинских союзов сельских общин Акуша-Дарго в XVII – первой половине XIX в.: Вопросы социально-экономической и политической истории. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН; Издат. дом «Эпоха», 2008. 400 с.
4. Сведения об Акуша // Памятники обычного права Дагестана. XVII – XIX вв.: Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. М.: Наука, 1965. С. 13–15.
5. Гене Ф.И. Сведения о Горном Дагестане. 1835/1836 г. // История, география, этнография Дагестана в XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М.: Восточная литература, 1958. С. 337–352.
6. Гаджиев Б. Легенды и были Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 336 с.
7. Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. В 2-х т. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. Т. 1. 448 с.
8. Магомедов Р.М. Легенды и факты о Дагестане: Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1969. 240 с.
9. Энциклопедия суеверий / Сост. Э. и М.А. Рэдфорд; Е. Миненок. М.: Миф: Локид, 1995. 560 с.
10. Абдулаев А.К., Абдуллаев И.К. Дидойский (цезский) фольклор (с переводом на русский язык). Лейпциг: Махачкала: «Логос», 2010. С. 291–295.

REFERENCES

1. Krinichnaya NA. Mountain: a natural-existential object in the light of cosmological views (based on northern Russian mythological stories). *Scientific almanac "Traditsionnaya Kultura"*. 2011; 3: 120-130. (In Russ)
2. Tokarev SA. On the cult of mountains and its place in the history of religion. *Sovetskaya Etnografiya*. 1982; 3: 107-113. (In Russ)
3. Aliev BG., Murtazaev AO. *Federation of Dargin unions of rural communities of Akusha-Dargo in the 17th – first half of the 19th century: Issues of socio-economic and political history*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAN; Epoha, 2008. (In Russ)
4. Information about Akusha. *Monuments of customary law of Dagestan. 17th – 19th centuries: Archival materials*. Compiled by H.-M. Khashaev. Moscow: Nauka, 1965: 13-15. (In Russ)
5. Gene FI. Information about Mountainous Dagestan. 1835/1836. *History, geography, ethnography of Dagestan in the 18th – 19th centuries: Archival materials*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958: 337-352. (In Russ)
6. Gadzhiev B. *Legends and tales of Dagestan*. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1991. (In Russ)
7. Magomedov RM. *Dargins in the Dagestan historical process*. In 2 volumes. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1999. Vol. 1. (In Russ)
8. Magomedov RM. *Legends and facts about Dagestan: From the notebooks of a historian*. Makhachkala: Dagkniгоizdat, 1969. (In Russ)
9. *Encyclopedia of superstitions*. Compiled by E. and M. A. Radford; E. Minenok. Moscow: Mif, Lokid, 1995. (In Russ)
10. Abdullaev AK., Abdullaev IK. *Didoi (Tsez) folklore (with*

11. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. М.: Вече, 2005. 383 с.
12. Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. 401 с.
13. Ерофеева Н.Н. Лук // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 75–77.
14. Сефербеков Р.И. Петроглифы Дагестана: история, ареал, типология, интерпретации // Кавказ – Прошлое – Настоящее – Будущее. Rzeszów: Instytut Historii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020. № 6. С. 19–37.
15. Бесолова Е.Б. К семантике термина нарт // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2014. № 55. С. 119–124.
16. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1989.
17. Сефербеков Р.И. Образ Великой Богини-матери в мифах народов Дагестана (ипостаси, аспекты функций, трансформации) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2015. № 3. С. 146–154.
18. Топоров В.Н. Гора // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 311–315.
19. Першиц А.И. Демократия военная // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 47–48.
20. Першиц А.И., Трайде Д. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. А.И. Першиц, Д. Трайде. М.: Наука, 1986. С. 109–114.
21. Басилов В.Н. Родоплеменные культы // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 180–182.
22. Басилов В.Н. Общинные культы // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 140–142.
23. Басилов В.Н. Классовых обществ религии // Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов / Отв. ред. В.Н. Басилов, И. Винкельман. М.: Наука, 1993. Вып. 5. С. 104–107.
24. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 2004. 627 с.
25. Дадаев М.-А. Краткий краеведческий справочник по Салатавии. Махачкала: «Ихлас», 2007. 198 с.
26. Сотников. Сведения о Табасарани // Памятники обычного права Дагестана XVII –XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева, отв. ред. Г.Д. Даниялов. М.: Наука, 1965. С. 46–51. 280 с.
27. Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф. Памятники истории и культуры Табсарана. Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2003. 120 с.
28. Сефербеков Р.И. «Праздничные камни» и «Мечеть праздничной молитвы» – культовые сооружения табасаранцев // Исламоведение. 2014. № 3. С. 52–64.
29. Гасанов М.Р. Табасаран в истории Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2022. 312 с.
30. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
31. Сулейманов А.С. Топонимия Чечни: Научно-популярное издание. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. 726 с.
32. Попов И.М. Ичкерия (историческо-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горах (далее – ССКГ). Тифлис, 1870. Вып. IV. С. 1–23.
33. Натаев С.А. Чеченские тайпы: Проблемы изучения *translation into Russian*). Leipzig: Makhachkala: Lotus, 2010, pp. 291–295.
11. Vovk OV. Signs and Symbols in the History of Civilizations. Moscow: Veche, 2005. (In Russ)
12. Cooper J. Encyclopedia of Symbols. Moscow: Association of Spiritual Unity “Golden Age”, 1995. (In Russ)
13. Erofeeva NN. Bow. In: Tokarev S.A. (ed). Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia. In 2 volumes. 2nd ed. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994. Vol. 2: 75–77. (In Russ)
14. Seferbekov RI. Petroglyphs of Dagestan: history, area, typology, interpretations. *Caucasus – Past – Present – Future*. Rzeszów: Instytut Historii Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2020; 6: 19–37. (In Russ)
15. Besolova EB. On the Semantics of the Term Nart. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*. Makhachkala. 2014; 55: 119–124. (In Russ)
16. Lvova EL., Oktyabrskaya IV., Sagalaev AM., Usmanova MS. *Traditional Worldview of the Turks of Southern Siberia: Human and Society*. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1989. (In Russ)
17. Seferbekov RI. The Image of the Great Mother Goddess in the Myths of the Peoples of Dagestan (Hypostases, Aspects of Functions, Transformations). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2015; 3: 146–154. (In Russ)
18. Toporov VN. Mountain. In: Tokarev S.A. (ed). *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. In 2 volumes. 2nd ed. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 311–315. (In Russ)
19. Pershits AI. Military Democracy. In: Pershits A.I., Traide D. (eds). *Social and Economic Relations and Socionormative Culture: Collection of Ethnographic Concepts and Terms*. Moscow: Nauka, 1986: 47–48. (In Russ)
20. Pershits AI., Traide D. (eds). Community. In: Pershits A.I., Traide D. (eds). *Social and Economic Relations and Socionormative Culture: Collection of Ethnographic Concepts and Terms*. Moscow: Nauka, 1986: 109–114. (In Russ)
21. Basilov VN. Tribal cults. *Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms*. Eds. V.N. Basilov, I. Winkelman. Moscow: Nauka, 1993; 5: 180–182. (In Russ)
22. Basilov VN. Communal cults. In: V.N. Basilov, I. Winkelman (eds). *Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1993; 5: 140–142. (In Russ)
23. Basilov VN. Class Societies Religions. In: V.N. Basilov, I. Winkelman (eds). *Religious beliefs: A set of ethnographic concepts and terms*. Moscow: Nauka, 1993; 5: 104–107. (In Russ)
24. *History of Dagestan from Ancient Times to the Present Day*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2004. (In Russ)
25. Dadaev M-A. *Brief Local History Handbook of Salatavia*. Makhachkala: Ikhlas, 2007. (In Russ)
26. Sotnikov. Information about Tabasaran. *Monuments of customary law of Dagestan of the 17th – 19th centuries: Archival materials*. Comp. H.-M. Khashaeva, ed. G.D. Daniyalov. Moscow: Nauka, 196: 46–51. (In Russ)
27. Seferbekov RI., Gashimov MF. *Monuments of history and culture of Tabsaran*. Makhachkala: IHAЕ DSC RAS, 2003.
28. Seferbekov RI. “Festive stones” and “Mosque of festive prayer” – religious buildings of the Tabasarans. *Islamovedenie*. 2014; 3: 52–64. (In Russ)
29. Gasanov MR. *Tabasaran in the history of Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2022.
30. Rybakov BA. *Paganism of Ancient Rus*. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ)
31. Suleimanov AS. *Toponymy of Chechnya: Popular Science Edition*. Grozny: Khnizhnoe Izdatelstvo, 2012. (In Russ)
32. Popov IM. Ichkeria (historical and topographic essay). *Collection of information about the Caucasian highlanders (SSCG)*. Tiflis, 1870;4: 1–23. (In Russ)
33. Natayev SA. *Chechen Taips: Problems of Studying the Nature, Structure, and Historical Dynamics of Chechen Social Institutions*. Makhachkala: ALEF, 2013. (In Russ)

природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: АЛЕФ, 2013. 414 с.

34. Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис. 1872. Вып. 6. С. 1–62.

35. Анучин Д.Н. Отчёт о поездке в Дагестан летом 1882 года, совершенной при содействии Императорского Русского Географического общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. 93 с.

36. Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1.С. 398–406.

37. Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. С. 265 с.

38. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

39. Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. 1982. № 2. С. 83–92.

34. Laudayev U. Chechen tribe. *Collection of information about the Caucasian highlanders (SSCG)*. Tiflis. 1872; 6: 1-62. (In Russ)

35. Anuchin DN. *Report on a trip to Dagestan in the summer of 1882, made with the assistance of the Imperial Russian Geographical Society*. Saint-Petersburg: A.S. Suvorin's Typography, 1884. (In Russ)

36. Toporov VN. The World Tree. In: Tokarev S.A. (ed). *Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia*. In 2 volumes. 2nd ed. Moscow: Russian Encyclopedia, 1994; 1: 398-406. (In Russ)

37. Chursin GF. *Materials on the Ethnography of Abkhazia*. Sukhumi: Abkhaz State Publ., 1957. (In Russ)

38. Frazer JG. *The Golden Bough: A Study of Magic and Religion*. Transl. from English by M.K. Ryklin. Moscow: Politizdat, 1980. (In Russ)

39. Kyzlasov IL. The Progenitor Mountain in the Folklore of the Khakass People. *Sovetskaya Etnografiya*. 1982; 2: 83-92. (In Russ)

Поступила в редакцию 22.02.2024 г.

Принята в печать 05.07.2024

Опубликована 15.12.2024 г.

Received 22.02.2024

Accepted 05.07.2024

Published 15.12.2024